

Соб. черк. - 1989 г. - 108.
22 июня (№25) - 108.

ГОСТЬ МАНЕЖА

ВИЛЛИ ТОКАРЕВ — РУССКИЙ И АМЕРИКАНСКИЙ

басе, приносил свои первые песни Анатолию Кроллу, и их пели солисты оркестра.

— Вы, безусловно, знали, что ваши песни уже много лет пользуются большим успехом у нас в стране, их переписывают с кассеты на кассету, их поют. А мечтали ли вы о том, что сами исполните их здесь, в Москве, в театре Эстрады, и в других городах, верили ли в это?

— Мечтал, конечно! Верил ли? Скорее надеялся. Ведь Россия была от меня очень далеко. И знаете, когда я поверил, что мои надежды могут сбыться? Когда узнал, что к нам впервые за много лет приезжает советский цирк и пришел к артистам за кулисы. Такой встречи я не ожидал. Артисты обступили нас, встретили, как родных. Это было ошеломляющее впечатление. До начала спектакля мы фотографировались, шутили, смеялись, нас угощали, нам рассказывали, и мы рассказывали. И вот там я почувствовал Россию. Это была Россия за рубежом, открытая, добрая.

— А какое впечатление произвел на вас цирковой спектакль?

— То, что я увидел, буквально покорило меня, как и всех американцев, сидящих в зале. Это была чудесная программа, грандиозное зрелище, артисты, влюбленные в свое искусство. Это было замечательно. И мне еще больше захотелось в Россию. И почему-то именно тогда у меня вдруг появилась уверенность, что я смогу снова увидеть свою Родину, и не ошибся:

«Я за Россией наблюдал
издалека,
Была порой по дому
жуткая тоска.
Когда с Востока
приплывали облака,
Всегда тянулась к ним
с приветствием рука!
О, если б знали вы,
о если б знали,
Как этой встречи
мы долго ждали!..
Меня с концертом
сюда позвали.
И вот пою я вам
в этом зале!»

— Пересечь океан, тосковать по Родине и близким, терять себя и снова находить, переносить самые разные испытания и пятнадцать лет ждать встречи — вот такой путь к известности и признанию. Из Ленинграда в Москву через Америку?

— Я благодарен и Америке, и Советской стране, и советским людям за то, что мне разрешили приехать сюда и спеть с большой эстрады для близких мне людей. И я бесконечно рад и тем прекрасным изменениям в вашей, в нашей стране, благодаря которым я смогу проехать с концертами по городам, спеть известные и неизвестные песни.

— Вы специально готовились к этим концертам, писали новые песни, составляли программу?

— Да, конечно. И уже здесь мы репетировали вместе с оркестром А. Кролла, с Б. Бруновым, и мои давние друзья дали мне много добрых советов. Я им, конечно, очень благодарен.

— Мы уже говорили о том, что в Америке вам многого не хватало, самых привычных для вас вещей. И все-таки: чего вам там очень-очень не хватало?

— Вот такой широкой русской аудитории. Я хочу сказать, что советские зрители — это самые благодарные, но и самые требовательные зрители во всем мире.

— Особенно сегодняшние зрители: музыканты, певцы, артисты театра и эстрады, в общем, профессионалы, которых вы пригласили на свою генеральную репетицию. Вы ожидали такого приема от этой доброжелательной, но взыскательной публики?

— Ничего подобного я не ожидал, и я благодарю их за то, что получил от них столько тепла, столько доброты. Даже вот в этих двух репетициях-концертах. Конечно, я очень волновался

и буду волноваться, потому что я пою здесь совсем в другой аудитории, чем за рубежом.

— За время пребывания в Москве вы написали новые песни?

— О, да! Я написал здесь новую песню. И мне приятно, что эту песню полюбили уже, я несколько раз исполнил ее в концертах и друзьям. Называется она «Я пойду по Москве золотой, погуляю». Это песня о людях, ушедших из этого мира, но оставшихся в наших сердцах: Енгибаров, Есенин, Высоцкий, Миронов, Гуляев...

— Я думаю, что за время гастролей по стране у вас родятся новые песни?

— Я думаю, что да. Уже родились мелодии, есть строчки стихов, столько впечатлений, что они рвутся наружу, но, к сожалению, нет времени сесть

и писать. У вас нет таких «пробок» на улицах, как в Нью-Йорке, так что в машине я это сделать не успеваю. А все остальное время уходит — на...

Наша встреча с Вилли Токаревым подошла к концу. Его ждали, его торопили, программа у него до предела насыщена. У выхода из театра эстрады его окружили поклонники, любители автографов, и только придя в редакцию, я вспомнила, что не взяла у него фотографию для газеты. Но у меня сохранилась фотография, та, двадцатилетней давности, где Вилли Токарев еще совсем молодой начинающий композитор, музыкант, певец, скромный, немного застенчивый, но преображающийся в песне, органично сливающийся с ней — русский певец. Эмилия БОРОВИК.

здесь уже две недели и почти не сплю. Дни пролетают незаметно. Все время уходит на общение с друзьями, на репетиции, концерты, интервью, встречи. Но все это очень здорово. Можно и не спать. — Так закончил свое интервью нашей газете композитор, певец и автор песен Вилли Токарев.

А началось это интервью... двадцать лет назад в Ленинграде. Тогда для радиостанции «Невская волна» я готовила передачу о молодом композиторе, музыканте, певце, работающем в ансамбле «Дружба» вместе с А. Броневицким и Э. Пьехой.

В тот год завоевала популярность его песня на слова М. Рябинина «Дождь», потом он написал в Мурманске цикл песен о морях, записал их с Ленинградским оркестром радио и телевидения, и когда передачу показали, сразу же стал «героем Кольского полуострова».

Но удача поманила сигнальными огнями И...

Он посылал свои песни на радио, телевидение, но его имя было недостаточно известно, а песни не напоминали бравурные марши, а поэтому очень часто молодого автора даже не удостоивали ответа.

Чтобы завоевать любовь в своей стране, Токареву пришлось повернуть колесо своей жизни на 180 градусов.

Америка! Америка! Он завоевал ее не сразу. Ему пришлось поменять не одну профессию: и учиться, и посуду мыть, и в такси работать. Как он любил тогда красный свет и пробки на дорогах. Они давали ему возможность записывать вертевшиеся в голове строчки песен и мелодии. Так он написал целый цикл песен — песен под красный свет.

Мечта о музыке не покидала ни на миг. Освоив язык, он пел в ночном ресторане на Бродвее латиноамериканские песни, играл латиноамериканскую музыку.

— А так хотелось петь по-русски, для русских, ведь только в своих песнях я мог по-настоящему выразить себя, — рассказывает певец. — Многого не хватало мне тогда еще в чужом Нью-Йорке. Но мне повезло, меня пригласили в ночной клуб «Одесса». В русский клуб. А в этом клубе собираются интересные люди: и эмигранты, и гости Америки. Все, кто приезжает на гастроли, в командировку из Союза, обязательно бывают в «Одессе». Это кусочек России в Америке.

— И все-таки, несмотря на успех, несмотря на то, что вы пользуетесь большой популярностью и объездили с концертами много стран, в ваших песнях, очень разных — шуточных, сатирических, лирических, озорных, а порой и философских, все время проскальзывает ностальгическая нотка или, может быть, это только кажется?

— Конечно же, вы правы. Во многих моих песнях тоска моя и многих эмигрантов, которые, казалось, навсегда оторваны от Москвы и Ленинграда, от друзей, от веселых русских застолий, от русской зимы и даже... от очередей в магазине и от того, что ничего не надо «доставать». И, конечно, я и мои спутники безумно, именно безумно, рады, что мы смогли снова увидеть Москву, друзей, Россию. Мы работаем вместе с замечательным советским оркестром под руководством Анатолия Кролла и, мне кажется, что я вернулся на двадцать с лишним лет назад. С этим оркестром я начинал работать, еще будучи студентом музыкального училища при Ленинградской консерватории. Играл на контра-

408

